

Вячеслав Лямкин

Светлый день

Чертовки на Рождество

Тем, кто на Христово Рождество

На страничке своего инстаграма

Напоказ выставляет лицо

С рогами древнего Ваала...

Автор

— Бабусенька, приветики!

Молоденькая девица в фиолетовом полушубке, в капроновых колготках и демисезонных ботиночках на тоненьком каблучке протиснулась с чемоданчиком на колёсиках в узкую, выкрашенную тёмно-оранжевой краской дверь. За ней следом пролезла ещё одна девица — точная копия первой, только в жёлтой шубке, коротенькой, еле достающей до пятой точки.

— Привет, внученька, привет, Вита... Виталяна!

— Виталина! Бабусенька, сколько раз говорила: Виталина! Пора бы и запомнить! — надула пухлые губки внучка, захлопала длиннющими наращёнными ресницами, нагнав сквозняка в избу.

— Да, этак, такое разве сразу упомнишь? — закричала виновато старушка. — Гостья-то ты у бабушки редкая! Давеча вспоминала, когда ты последний раз-то была в гостях, да не могла припомнить. В шестом классе, однако, с отцом приехала. Ладно, чего на пороге толкётесь? Проходите в дальнюю комнату, там кровать побольше, ночью прижмётесь к друг дружке — не замёрзнете... Я гостям всегда рада. Забыла спросить: это кто с тобой?

— Это Викуся! Подружка моя! — махнула девица тоненькой ручкой в сторону жёлтенькой шубки. — Как, Кукуся? — переспросила бабка, плохо слышавшая на правое ухо. — Вас и не отличишь, одно лицо. Только по цвету, — и тут же всполошилась: — Ой, погодь, очки одену. У вас что с лицом-то? Однако, побил кто? Наши, что ль, деревенские?! — А что случилось? — занервничала Виталина, быстренько достала зеркальце из сумки и посмотрелась в него, но, не найдя никаких изменений, закатила глазки — зря беспокоилась.

Бабка надела очки и присмотрелась к внучке: — Да вона губы все опухшие! Словно кто приложился!

— Бабусенька, ты отстала от жизни! У нас в городе твои ровесницы тоже губы колют, причём давно!

— Модно, что ли, это?! Ну, если модно, то пускай колют — ихнее дело! У нас тут, в глубинке, другая мода: дров кубов десять запасти да уголька тонн шесть купить, чтобы зиму пережить. А я смотрю, вы совсем легонько одеты, ляжки наголо, а у нас морозы обещали под сорок. Ладнись, располагайтесь, я пойду на стол накрою, а то с дороги проголодались, поди.

Бабка отдёрнула занавеску и, посмотрев в окно, добавила:

— Вон она! Первая-то звёздочка на небе уже появилась, значит, и разговореться пора.

Бабка ушла на кухню, подкинула дров в русскую печку, загремела кастрюлями, шугнула рыжего кота, дюзнувшего блин.

— Бабусенька, а у вас тут что, интернет не ловит?! — Виталина вышла из комнаты с телефоном в руке, а за ней — её копия. У одной телефон в розовом чехле, а у второй — в жёлтом.

Стали по углам бегать, связь ловить. Одна даже на лавку запрыгнула к потолку, к образам телефон поднесла — может, там связь хотела найти.

— Ну вот, я же тебе говорила! Тут нет интернета! — сдавшись, запричитала Викуся-Кукуся. — Лохушка, надо было слушать, что говорят! И чё поехали в такую дыру? Всё Рождество насмарку! Мне папа голову оторвёт, узнает, где я была!

— А у нас этого иньтирнэта и отродясь не было. Молодёжь, кому по сотику позвонить надо, вон на соседнюю сопку ходят, говорят, там билайна какая-то ловит. А нам, старикам, разве туда подняться? Два стационарных телефона на всю деревню — один на одном краю, другой на другом. Кому приспичит — сходят, позвонят. А так одно живое общение. Вона у меня вместо иньтирнэта! — и старушка показала на Ветхий Завет, лежащий на подоконнике. — Но что я с разговорами да с разговорами? Давайте к столу! Блинов напекла вам, борща на говяжьих рёбрышках натомила в печке, лепёшки с чесночком, сметанка деревенская — ложка стоит... — Фи! — сморщила носик внучка. Её подружка повторила за ней. — Бабусенька, мы такое не едим. Но я всё предусмотрела. Викуся, там в чемоданчике — чипсы и роллы. Неси! И бутылочка шардоне! Импорт! Бабусенька, тебе налить?

— Не! Я заморщину не пью! От неё мерещится чёрт-те чего и голова ужас как болит. Я себе

наливочки смородиновой налью,—ответила бабка и принесла из сенок графинчик с напитком.

— Ну, девоньки, давайте за Рождество и за встречу! Сегодня не грех! Праздник светлый! Рождение Спасителя!

— А что, сегодня чей-то день рождения?—переспросила Викуся.—Мы почему не в теме?! Ах, вспомнила! Как мы могли запаматовать?! Спаситель—это режиссёр такой известный. Блокбастер снял. Его ещё на «Оскар» номинировали,—козырнула она своими знаниями.

— Ага, его, сердешного!—бабка перстом указала на небо.

Выпили, бабка крикнула от удовольствия. Закусили. Девицы—роллами, бабка блин тёпленький, маслянистый в рот засунула, на удивление своими зубами его перемолола во рту...

— Бабусенька, я смотрю, у вас зубки-то все ровненькие. Мосты вставляли? На пенсию, что ли?—заметила Викуся.

— Свои это, Кукуся. Я каждый день лучка по две головки съедаю. А летом иду в огород, пёрышко чеснока или лучка сорву—и в рот,—ответила не без гордости бабка.—А на нашу пенсию не вылечишь зубы, а на полку их положишь!

— Бабусенька, а у тебя ёлочка-то где?—спросила вдруг внучка.

— Какая ёлочка?

— Ну, новогодняя! Рождественская!

— Да что, милая моя, я её давно уж не наряжаю. Как дед помер. Мне одной с котом-то зачем? Я в Новый год спать в десять вечера ложусь. У меня телевизор рябь одну показывает. Уж лет пять как... Единственная радость—я каждый год седьмого числа рано утром встаю, иду до трассы восемь километров, чтобы успеть на рейсовый автобус до райцентра. А там в церквушку! Помолюсь, свечки поставлю—за ваше здоровье, за упокой родичей наших. А вам зачем ёлка-то?—спохватилась бабка.

Внучка забегала по избе в истерике:

— Что за день-то сегодня такой пропащий!

— Ещё какой пропащий!—вторила подружка, бегая за Виталиной по пятам.

— Интернета нет! Ёлки нет!—продолжала Виталина.

— Да я ещё тут ноготь сломала!—добавила Викуся.

— Да что твой ноготь?! Тут дела поважней! Я сегодня должна запостить историю, как встретила Рождество у бабушки в деревне. Не забывай, я же известный инстаблогер! У меня огромная аудитория подписчиков! Они ждут этой чудной рождественской душещипательной истории, как я добиралась до своей любимой бабушки, чтобы встретиться с ней Рождество! Они хотят ко мне присоединиться! Быть со мной! Ставить мне лайки!

— У неё почти три тысячи подписчиков, на минуточку!—уточнила с гордостью Викуся-Кукуся, обращаясь к бабке, как будто та тоже вела страничку

в инстаграме.—А у меня две тысячи!—продолжила Викуся.—Но я её скоро обгоню!

— Подписчики, инстаблогер, запостить...—бабка в недоумении развела руками.—Лайки какие-то... Собаки, что ли? Тьфу, чертовщина! Матерки одни! По-русски объясните! Аз, буки, веди! По-простому! Чего надо?!

— Дерево!—Викуся-Кукуся изобразила руками ёлку.—Зимой и летом одним цветом! Чего тут непонятно?!

— Значит, ёлку надо! Сейчас чего-нибудь придумаем. Ивана, соседа, позову! Поди, притартает вам ёлку. Помнишь Ваньку-то? Рыжий парнишка, тебе ещё огоньки с пойменных лугов таскал. Он как с армии вернулся, так в деревне и остался, фермерствует. На нём токмо деревня и держится.

Бабка намотала на голову пуховую шаль, накинула старенькое драповое пальтишко, прыгнула в валенки и вышла на улицу, запустив в дом клубы холодного воздуха.

— Я придумала!—вскрикнула Виталина.—Даже если интернета не будет, то мы будем снимать на камеру, а потом выложим в инстаграм!

— Точно! Башка варит! Зря стрессовали! Надо успокоиться! Я на одного астролога подписана, она говорит, нужно в эти дни не стрессовать, не агрессивировать, а привлечь положительную энергию Вши!

— Какую?—не поняла Виталина.

— Энергия Вши!—повторила подружка, сделав вид профессора: мол, ты чего, неуч?—Какое-то индийское учение, модное сейчас,—прямая связь с космосом. Сейчас модно говорить не «Бог», а «Вселенная».

Викуся достала телефон и, подойдя к русской печке, начала снимать её на камеру:

— Забавное строение, в историю обязательно выложу! Я такую ни разу не видала. На ней что, варят? Это вместо плиты?

В сенках хлопнула дверь, послышались голоса. — Ваня, гости городские,—слышался голос бабки.—Да ты таких и отродясь не видал! Расфуфыренные, размалёванные! Тьфу! Срамно смотреть! Но если отмыть, должны быть ничего. Помощи просят. Ваня, спасай бабуку!

Дверь открылась, и бабушка завела бородатого паренька.

— Знакомьтесь! Ваня!—представила его бабка.

— Здравсьте!—кивнул, смущаясь, Иван, топчась в сапогах на пороге.—Бабушка сказала, вам помощь нужна.

— Приветтики!—лисой вокруг паренька закружила Викуся.—Ёлку нам надо, срочно! Сообразишь?

Бабка, заметив Викусины старания, закашлялась:

— Ты энто, от парня-то отстань, женатик он! Я его для делу позвала, а не для твоих утех бесстыжих!

— За пару тысяч привезу,— выставил условие Иван.— У нас тут только березняк вокруг, а за ёлкой за три километра ехать придётся. И магарыч! — Что за магарыч? — спросила, нахмурив переносицу, Викуся.— Слово какое-то новое. Из английского лексикона, что ли?

Виталина порылась в сумочке и достала пяти-тысячную купюру.

— У меня меньше нет!

Иван, потоптавшись на месте, взял деньги:

— А у меня сдачи нет!

— Но я надеюсь, тут на магарыч ваш хватит? Привезёте ёлку, установите, и мы в расчёте.

— Хватит! — улыбнулся довольный Иван и вышел из дома.

Через два часа большая пахучая ёлка стояла посреди комнаты, наряженная старыми бабушкиными игрушками. Даже гирлянда оказалась рабочей. Девицы весь процесс снимали на телефон. И как привезли ёлку, и как Иван её заносил в дом и устанавливал. И как её наряжали.

Иван вскоре ушёл домой, а бабка пошла его проводить да занести с улицы охапку дров— в этой суете не заметила, как печка прогорела.

Вернулась, подкинула берёзовых дровишек и вдруг встала как вкопанная: девицы напялили на себя короткие юбки, белые блузки с глубоким декольте и чулки на подтяжках, водрузили на головы рожки, прикрепил к попам хвосты и в таком образе чертей фотографировали друг дружку на телефонную камеру.

— Бабусенька! Идите, сделаем с вами селфи! — улыбалась Викуся, пытаясь обнять бабушку, но та, скинув с себя оцепенение, замахала руками, словно подавившись костью.

— Чур, чур меня! Привидится же такое! — бабка шарахнулась от чёрта Викусы и, запинаясь о пустые ведра, вывалилась за дверь.

— Чего это с ней? — удивилась Викуся.

— А не обращай внимания! — захихикала Виталина, делая селфи.— Возраст! Да и вышла своей бурдомаги деревенской, видно, развезло.

— Предлагали же ей шардоне! — согласилась Викуся.— Вот калоша старая! Чуть праздник не испортила. А если ей плохо станет, чего делать будем? Больница-то далеко...

Бабка же тем временем пошла к деду Спиридону, который в деревне держал пасеку и снимал порчу с людей молитвами.

— Старый, я к тебе за советом! Подмогни, если не в тягость! Черты у меня в доме засели. Как их выкурить, не подскажешь?

— А то верно, подскажу,— пробасил Спиридон.— Выкуривают их! Сначала со свечой по периметру избы обойди, молитву прочитай. И опосля венником все углы святой водой окропи. Три раза повторить надобно. А потом вьюшку закрой, дым

в дом пойдёт, и тем же самым венником гони их, гони, чтоб не очухались.

Бабка вернулась, когда гости уже улеглись.

Девицы застелили себе постель, накрутили папилютки, переоделись в пижамы и мило ворковали, закутавшись в тёплые одеяла, представляя, как завтра они вернутся в город— в привычную среду обитания, где их будут окружать комфорт и роскошь, горячая ванна, дорогие машины и рестораны, интернет, без которого они не могут жить...

Бабка заглянула в окно и, увидав на голове Викусы рога, снова чертыхнулась:

— Засели, окаянные! Ну, сейчас я им задам!

Вспомнив наставления Спиридона, бабка зашла в сени и, щёлкнув тумблером, отключила свет. Достала из чулана веник и вошла в дом.

— Ай! — взвизгнула Викуся.— Ужас как боюсь темноты. Бабусенька, это вы?!

— Я! Лежите, не вставайте! Свет по всей деревне отключили.

Бабка налила ведро воды, поставила его в комнату, плеснула в него святой водицы. Опустила в ведро веник— пускай набухнет, размачивается.

— Сейчас я вам свечи принесу. У нас частенько перебои с электричеством.

Она подкинула дров в печку— морозец на улице крепчал— и, дождавшись, когда дрова разгорятся, прикрыла вьюшку. Дым стал постепенно заполнять избу. Бабка взяла свечку, лежащую перед образами, зажгла её и стала обходить все углы. Свеча коптила нещадно.

— Праздник-то какой светлый,— осторожно шагая и бережно неся в руках свечу, шептала старушка.— Рождество Христово! А энты в чертей переоделись, нечисть в дом занесли. Безбожницы!

Бабка зашла в комнату, где расположились девицы, и стала обходить кровать со свечой.

— Кхе, кхе, кхе! — закашлялись девицы, спрятавшиеся под одеялом. Только Викусины рожки видны.

— Бабусенька, а что вы делаете? — Викуся не замедлила снять всё это на телефон.

— Я дом от нечисти избавляю!

— От какой нечисти?

— А сейчас, милая, увидишь!

Бабка вышла в горницу, поставила свечу на стол. Взяла в руки ведро с водой. Попробовала веник на вес— ага, тяжёл стал, напитался водой. Ну-с, приступим!

— Бабусенька, какой-то дым, что ли? Горелым пахнет! Ты печку-то посмотри! Кхе, кхе, кхе.

— Запричитали, окаянные! — вполголоса сказала бабка. И тут же добавила: — Сейчас, милье, сейчас!

Прошла бабка по периметру избы, окропила углы, шепча молитву. Свет от догорающей свечи тусклый-тусклый. Ничего не разобрать. Вошла бабка в комнату, запрыгнула на кровать (откуда только такая прыть, сама удивилась) и давай лупить девиц мокрым веником да приговаривать:

— Кыш, нечистые! Решили бабке праздник испортить! День-то сегодня какой светлый! Рождество!!! А вы с чертями дружбу завели!

Визгу тут поднялось, писку. В тёмной задымлённой комнате и не разобрать ничего. Мокрый, тяжёлый веник замысловатые узоры в воздухе описывает—то Викусе по макушке припечатал так, что рога в сторону отлетели, то Виталине по ботоксным губёшкам.

Растерялись девицы, но дверь как-то впотьмах да в слезах нащупали—выползли на улицу в чём были, кашляют, плачут, слюной плюются.

Бабка закрыла за ними дверь, приоткрыла вьюшку, чтобы дым в трубу снова пошёл, отворила форточки в избе и села на лавку в кухне... смотрит на образá в углу.

— Ну вот, вроде опять чисто и свежо в избе стало,—облегчённо вздохнула старушка и, перекрестившись перед иконой, добавила:—Прости нас, грешных, Господи! Ибо зачастую не ведаем, что творим...

Светлый день

С вечера разыгралась метель. Завыло в печной трубе, окна занесло тонким слоем снега. То и дело порывы ветра ударили о стену дома, поднимая вверх снопы снежной пыли. Скрипели протяжно ворота, натываясь на перекладину, сдерживающую массивные створки: «Бух-бух-бух».

Егорыч не спал...

Ворочался с боку на бок, прислушивался к звукам непогоды, вставал пару раз, ощущая ногами прохладу деревянного пола, и, отдёргнув штору, взглядывался в окно.

Ночь выдалась на удивление белой—кучевые облака тянуло с севера, и видно было, как треплет голые ветки рябины в палисаднике, как раскачивает верхушку громадины-сосны, растущей напротив дома. В такт разыгравшейся метели—сначала отдалённым, где-то за околицей еле слышным, а потом совсем близким и неистовым—в глубине Егорычевых дум зарождалась тревожность...

Тревожность от переживаний о насущном—о работе, о семье, о бытовых нуждах...

Так иногда бывает—всё наваливается скопом. Вот и у Егорыча так получилось.

Где тоненько, там и рвётся. Первая подвела корова Жданка—проглотила с соломой какую-то железку, и её начало дуть. Ветврач Алёхин выписал лекарства, сказал: если через три дня не пройдёт, придётся колоть. Жалко кормилицу, семь лет верой и правдой служит. По двадцать литров молока и утром, и вечером даёт.

А тут ещё на работе неприятности...

Голова Ивана Егоровича давно покрыта лунной сединой, а он всё ещё один из самых ценных вальщиков. В коллективе, где он лет тридцать как бригадирствует, к нему уважительно обращаются:

Егорыч,—и в этом кратком «Егор-р-р-рыч» чувствуются спокойствие и уверенность.

В его бригаде—давняя традиция: Егорыч раньше всех приезжает на деляну.

Любит Егорыч эти минуты: по-хозяйски осматривает место стоянки, проверит, всё ли в порядке, откроет вагончик, вскипятит воду, заварит крепкого чаю и, с удовольствием обжигаясь горячим напитком, смакует последние минутки тишины.

Тракторист Серёга Коломейко, балагур и любитель поговорить, на своём железном коне слышен издалека.

За ним подъезжает вальщик Володя Семёнов на старенькой иномарке.

Подтягиваются и остальные мужики. Слышны анекдоты, шутки. Пьют чай. Вскоре работа закипает. Кто цепи точит, кто идёт валить деревья, кто—сучки обрубать. У Егорыча никто без дела не сидит.

А дней семь назад слёг с воспалением лёгких Володька Семёнов.

На подмену Егорычу в бригаду отправили Андрюху Холюкина.

Андрюха—парень резвый. В одной руке пирог держит, другой цепь точит. Егорыч вокруг него пару дней крутился, присматривался...

—Самое главное, Андрюха, не торопяха твоя, а с умом к делу подойти. Прежде чем её ронять, ты подойди, осмотришь. Покумекай, куда лучше уронить. Вот тут, видишь, подрост поднимается. А там, в гуще, трактор всё передавит. А ты её вот сюда, милую, промеж вот двух сосенок, вдоль дороги: и Коломейко удобно её оттуда достать, и не напакостишь. Понял? В какую сторону валить будешь, стой, запил сделай, а затем от запила вкруговую заводи...

—Угу,—кивает головой Холюкин, дожёвывая свой пирог.—Чего тут? Понятно!—и, взяв в руки Still, пошёл в щазу.

Зарычала бензопила, отдаваясь гулким эхом в округе, словно чудище, пробудившееся ото сна. Вцепилась острыми зубищами в сочный ствол, раскидывая в стороны кору и опилки.

Со скрипом начинает заваливаться пушистая громадина, а потом с треском ломаемых сучьев и последним вздохом-гулом ударяется о землю, поднимая вверх столп снежной пыли. И если посмотреть на солнце, видно, как в воздухе летают мелкие снежные частички, и наступает тяжёлая тишина.

И теперь Андрюху уже не остановить. Вошёл в азарт парень в погоне за кубами. За премией. И слово и не слышал он наставления Егорыча.

Валит деревья направо и налево. Куда удобней. И по барабану ему подрост или гнездо какой-нибудь птицы. Или дупло белки. Или как её трелевать будет тракторист. Лишь бы быстрее да больше. Лишь бы упала.

А потом Андрюха и вовсе нарушил ту «химию», которую создал Егорыч в бригаде, посягнув на святое: стал приезжать раньше Егорыча на деляну. Приехал Егорыч утром, а тот уже на его месте сидит, чай пьёт.

Тут Егорыч и не выдержал.
— Убирай его к чертям собачьим! Нельзя ему в лесу! — с такими словами ворвался он через несколько дней в кабинет лесничего Мохова.

— Иван Егорыч, давай всё по порядку, — Мохов пригласил вальщика присесть. — Кого убирать и за что?

— Да Холюкина. Ну нельзя же так! Растёт подрост — валит на подрост! Гнездо на дереве видит — валит на гнездо.

— Егорыч, но нельзя вот так, сгоряча.

Мохов понимает бригадира, но кубы и на него давят, а для лесхоза это обстоятельство важнее, чем всякий там подрост.

— Работать некому. Ты поправь парня. Скажи, что нельзя так. А там и Володька Семёнов выйдет. Терпи уж, Егорыч. Терпи!

— Может, в сучкорубы его? — предложил Егорыч.
— Володька твой выйдет, и переведём тогда, а пока пускай работает! — отрезал Мохов и добавил: — Он там из бухгалтерии кому-то родственник.

Когда Егорыч уходил, лесничий предупредил его:

— Чуть не забыл! Лесхоз разрешил валежник собирать — соответственно, народ на деляны полезет, кучи порубочных остатков ворошить начнут, так что смотрите там повнимательней...

Квартал, где идут рубки, находится километрах в пяти от посёлка, где живёт Иван Егорыч.

Егорыч, не спавший полночи, вдруг засобирался. Подгоняемый нехорошим предчувствием, решил прогуляться до деляны, проверить, всё ли в порядке, а то в пятницу его вызвали в лесничество, и он раньше уехал, а теперь душа болела, как там да что.

Егорыч вышел во двор, проведая корову — сердечная вроде начала поправляться.

Он занёс в сенки дров, набрал угля.
— Куда тебя леший несёт?! — всплеснула руками жена. — Выходной! Сидел бы дома, Иван! Нагуляешься ещё!

Но Егорыч махнул на супругу рукой: мол, сиди, не твоё дело, — и начал одеваться.

В какой-то момент за окном наступило затишье — метель подутихла; казалось, растеряла свою мощь на зимних неуютных полях, но вскоре разыгралась с большей неистовостью.

В утренних сумерках Егорыч прошёл мимо крайних домов, утонувших в убродном снегу, нацепил широкие охотничьи лыжи, перебрался через мосток и вышел в поле. Он шёл, чуть наклонив корпус вперёд, гнул голову к груди, пронизанный

северным ветром, и казалось, нет ему спасения от непогоды. Метель хлётко била в лицо острыми хрусталиками, но вот среди снежной пелены, застилающей глаза, просматривается неясное очертание соснового бора.

Егорыч скрылся между деревьями, и ему стало спокойно.

Сильные порывы ветра, разбиваясь о вековые стволы-скалы, теряли мощь. Метель рвала теперь вверху, тревожа заснеженные хвойные вершины, а Егорыч шёл по известной только ему дороге и чувствовал разливающееся по телу тепло.

Забравшись на взгорок, он остановился передохнуть у высокой разлапистой сосны и, подталкиваемый необъяснимым желанием, вдруг прикоснулся к шероховатому стволу.

Тяжесть накопилась на душе. Захотелось вдруг поделиться.

Ствол испещрён морщинками толстой коричневой коры. Егорыч погладил его, коснулся щекой, вдыхая запах сохранившейся ещё летней пыли. Ему вспомнились руки матери. Они были такие же тёплые и шершавые, как эта кора. Он вдруг вспомнил, как она умирала — лежала на своём диванчике у печки, смотрела в потолок и что-то шептала пересохшими, обескровленными губами. — Иван, иди! — сказала сестра, выходя из комнаты. — Она тебя звала!

Он подошёл к матери, взял за руку. Последние её слова залегли в душе:

— Ваня, живи по сердцу да людям помогай, чтоб знала, что не зря тебя растила...

Ему тогда показалось, что рука тёплая, как вот эта кора, как земля, вобравшая в себя весеннюю влагу и теперь обдуваемая ветерком, немного суховата сверху, а копни чуть глубже — там сочный чернозём, сила, дающая прорасти хлебу... такую он её и запомнил.

Но воспоминания и дальше его не отпустили. Вспомнилось, как пришёл в лесхоз после развала совхоза в девяностые и работал сначала на тракторе, потом на лесовозе, а позже перешёл в вальщики...

Пробежавшись по вехам своей жизни, вдруг подумал: как быстро пролетели годы...

Немного отдохнув, Егорыч продолжил путь.

Он шёл дальше, защищённый со всех сторон могучим сосняком, унося с собой частичку тепла того дерева, у которого недавно стоял.

Ветер, играясь в сосновых вершинах, взлохмачивал колючие кудри, покрытые снежной сединой. Егорыч сократил путь — спустился в ложбинку и упёрся в три стёжки свежих следов.

Он ускорил шаг, и вскоре до его слуха донёсся звонкий ребячий гомон.

Как и говорил Мохов, населению разрешили брать валежник. Летом хорошо его собирать,

а сейчас зима, и дорога в лес одна—накатанная к деляне лесовозами снежная колея, где идут вырубки. Этим многие и пользовались. Кто на лошади с санями приедет, сучков нагрузит, кто на машинёшке с прицепом...

Их было трое—Маринки Петровой пацаны: старшему Димке—четырнадцать, среднему Олегу—двенадцать и младшему Шурику—одиннадцать лет. Жили они на соседней улице с матерью и бабушкой. Маринка воспитывала пацанов в строгости, но в любви и в заботе, потому мальчишки росли правильными, трудолюбивыми и всегда держались друг за дружку.

Да и у бабушки не забалуешь:

— Чего дома сидеть? Дуйте на деляну, каждый по охапке принесёт сучков—на одну топку бани наберётся!—отправила она своих орлов в лес.—Утром ходите, а к вечеру баньку подтопим!

Стараясь не выдать себя, Егорыч обошёл их стороной и, скрытый кучами наваленных веток, некоторое время наблюдал за ребятнёй. Мальчишки, увлечённые делом, ворошили кучи с ветками, выбирали большие сучки и, топориком отделив хвою, складывали их в одно место.

Димка отделился от братьев и пошёл в сторону куч, за которыми и прятался Егорыч.

Подойдя к ним, он стал ворошить ветки, выискивая крупные.

Неожиданно рядом предательски протяжно скрипнуло дерево.

Егорыч посмотрел вверх, затем взгляд его пробежал по стволу дерева к корню.

Егорыча обдало жаром: сосну запилили с одной стороны и пытались свалить, но направили

не в ту сторону, и она, ветвями зацепившись за другие деревья, повисла в воздухе, держась на сучке. Ветер раскачивал дерево и заставлял его протяжно скрипеть.

Сразу перед глазами Егорыча встала картина, как Андрюха делает запил на дереве и, когда то повисло, машет на него рукой и идёт к другому... Останься вчера на деляне Егорыч, этого бы не произошло, не ушёл бы, пока сосна не оказалась на земле.

Внутри оборвалась какая-то струнка, когда вдруг после очередного порыва ветра дерево дёрнулось и, медленно скользя по соседней сосне, поползло вниз.

— Матерь Божья!—прошептал Егорыч, а затем раздался крик, в котором он с трудом узнал собственный голос:— Уходи! В сторону, в сторону!

Мальчишка, оказавшись под нависшим деревом, встал как вкопанный, не понимая, что происходит—откуда взялся этот дядька и что он ему кричит.

Лесная громадина, протяжно скрипнув, снова дёрнулась, но, зацепившись веткой за соседний ствол, вдруг зависла в воздухе. Повисела секунду, а затем, с шумом разгоняя снежную пыль, ломая ветви и сучья, рухнула вниз, словно в пропасть.

Всё смешалось в одно мгновение: самонадеянная ухмылка Андрюхи Холюкина и недоуменный взгляд мальчишки, когда Егорыч, преодолевший расстояние между ними, оттолкнул того в сторону...

Последнее, что запомнил Иван Егорыч,— как рассеивались утренние сумерки и начинался светлый день...